

На правах рукописи

ЕФРЕМОВ Дмитрий Анатольевич

**ГРАММАТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ИМЕНИ
ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО В УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ**

10.02.02. – Языки народов Российской Федерации
(финно-угорские и самодийские языки)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Ижевск 2002

Работа выполнена на кафедре общего и финно-угорского языкознания
Удмуртского государственного университета

Научный руководитель:

доктор филологических наук, профессор **В. К. Кельмаков**

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук **Н. И. Пушина**,
кандидат филологических наук, доцент **Б. И. Каракулов**

Ведущее учреждение:

Институт усовершенствования учителей УР

Защита состоится "18" сентября 2002 г. в 10 ч. на заседании
диссертационного совета К 212.275.02 по защите диссертаций на соис-
сание ученой степени кандидата филологических наук при Удмуртском
государственном университете по адресу:
426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Удмуртского госу-
дарственного университета

Автореферат разослан "11" ноября 2002 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук

А. Ф. Шутов

Реферируемая работа представляет собой углубленное исследование грамматических свойств имени прилагательного в удмуртском языке. Объектом исследования послужили грамматические категории степеней сравнения и степеней качества, один из наименее разработанных в удмуртоведении разделов словообразования прилагательного – словосложение; синтаксические взаимосвязи определения с определяемым, в частности – прилагательного с определяемым словом.

Актуальность темы. Имя прилагательное в общем языкознании и финно-угроведении является одним из относительно полно разработанных разделов; в частности, имеются такие обобщающие работы, как: «Имя прилагательное в мордовских языках» Р. А. Заводовой (1952), «Adjektiivien vastakohtaisuudet suomen kielessä» А. Хаканена (1973), «Коми кывбердлӧн грамматика да вежӧртас» В. М. Лудыковой (1999), «Как образуются прилагательные» А. Н. Барыкиной и В. В. Добровольской (2001) и т. д.

В удмуртоведении же имя прилагательное как особая знаменательная часть речи специально не рассматривалось. Вопросы, связанные с этой частью речи, в определенной степени затрагивались в различных работах, преимущественно в разделах школьных учебников и научных грамматик. Наряду с этим, проблемам грамматических свойств удмуртского прилагательного посвящали отдельные статьи такие исследователи, как С. К. Бушмакин, А. В. Вахрушева, В. Н. Захаров, В. К. Кельмаков, И. В. Тараканов, Т. И. Тепляшина, Г. А. Ушаков, А. Ф. Шутов и др. Но лингвистическая наука с тех пор продвинулась вперед, и не все положения, этих, безусловно, заслуживающих должного внимания трудов, кажутся сегодня бесспорными. Динамичный прирост нового знания в науке приводит к тому, что некоторые лингвистические теории или их компоненты требуют дополнения либо внесения определенных корректив.

В силу этого предметом своего исследования мы выбрали грамматические свойства прилагательного в удмуртском языке. Необходимость такого исследования продиктована, прежде всего, слабой разработанностью отдельных грамматических категорий, отсутствием описания отдельных типов словообразования имени прилагательного, а также необходимостью уточнения и дополнения его синтаксических функций, пересмотра некоторых положений с точки зрения современной лингвистики. Актуальность избранной темы определяется ее общетеоретической

и практической значимостью, с одной стороны, и ее слабой разработанностью в удмуртоведении, — с другой.

Цели и задачи работы. Целью данного исследования является наиболее полное описание грамматических свойств имени прилагательного в удмуртском языке. Для достижения основной цели необходимо решить следующие конкретные задачи:

1) анализ степеней сравнения и степеней качества имени прилагательного с четким разграничением способов образования данных категорий и определением выражаемых ими значений;

2) выявление дифференциальных признаков сложных слов и рассмотрение способов образования сложных прилагательных;

3) уточнение, дополнение, а также и пересмотр отдельных положений в отношении возможности конгруэнции удмуртского прилагательного с определяемым словом.

В ходе работы были использованы следующие **основные методы и приемы** лингвистического анализа: описательный метод в синхронном аспекте; количественный анализ (посредством сбора фактического материала методом сплошной выборки); прием типологического анализа, т. е. фактический материал удмуртского языка рассматривался в сопоставлении с данными других языков.

Источники исследования. В основу исследования легли примеры из художественных произведений удмуртской литературы таких авторов, как Р. Валипин («Инвожо уйшоре но пиштэ» = Иуп.), И. Гаврилов («Вордӱськем пальёсын» = Вп.), Кедр Митрей («Секыт зӱбет» = Сз., «Зурка Вужгурт» = ЗВ.), А. Клабуков («Можай тыпы» = Мт.), М. Коновалов («Гаян» = Г.), Г. Красильников («Тонэн кылысько» = Ткл.), М. Лямин («Шудбур понна» = Шп.), С. Матвеев («Шузи» = Ш.), Г. Медведев («Лӱзя бесмен» = Лб.), Г. Перевошиков («Тӱды куака» = Тк.), М. Петров («Вуж Мултан» = ВМ., «Ӝардон азын» = Ӝа.), Е. Самсонов («Толэзысь тӱл» = Тт.), С. Самсонов («Гожтӱсько тыныд сопал дуннее» = Гт.), С. Ширококов («Кырзан сюрес шедьтэ» = Кшс.).

Помимо этого, были использованы такие переводные работы как «Аэлита» А. Н. Толстого (перевод Е. Матвеева и П. Яшина) = А., «Святое евангелие отъ Матвѣя, Марка, Луки и Іоанна» (перевод Переводческой Коммисіи Православнаго Миссіонерскаго Общества) = Се., «Финляндия толон но туннэ» К. Хаккинен и С. Цетгерберга (перевод Б. Загуляевой и В. Халтурина) = Фтт. Наряду с вышеназванными источниками нами был также использован труд Л. С. Христоробовой «Калык сямьёсты чакласа» = Ксч.

Теоретической и методологической основой послужили труды ученых-удмуртоведов В. И. Алатырева, С. К. Бушмакина, В. К. Кельмакова, А. А. Поздеевой, И. В. Тараканова, Т. И. Тепляшиной, Г. А. Ушакова, А. Ф. Шутова, а также работы отечественных и зарубежных авторов (по имени прилагательному): Л. А. Алиткиной, Э. Г. Беккер, В. В. Быкони, В. В. Виноградова, Ф. А. Ганиева, Н. К. Дмитриевой, М. И. Зайцевой, И. А. Ильяшенко, Г. М. Керт, В. М. Лудыковой, К. Е. Майтинской, Е. И. Ромбандеевой, Д. Р. Фокош-Фукса, А. Хаканена и т. д.

Научная новизна исследования. Данная работа представляет собой попытку наиболее полного анализа (описания) имени прилагательного в удмуртском языке.

Подробному системному анализу подвергнуты степени сравнения и степени качества прилагательного, которые в конечном итоге выделены в самостоятельные грамматические категории с соответствующими способами образования и выражаемыми ими значениями.

В исследовании выявляются и анализируются различные модели сложных прилагательных подчинительного типа, дается описание способов их образования с учетом типологического материала родственных и неродственных языков.

В работе обобщаются и дополняются синтаксические функции удмуртского прилагательного, анализируются его возможности согласования с определяемым словом.

Практическая ценность исследования заключается в систематизации имеющегося материала, а также выдвигании новых положений по морфологии, словообразованию, синтаксису удмуртского прилагательного.

Результаты изысканий могут способствовать развитию удмуртской лингвистики. Положения диссертационной работы могут быть применены при написании научной грамматики удмуртского языка, в разработке лекционных курсов по грамматике удмуртского языка, а также и при составлении школьных учебников.

Апробация работы и публикации. Основные положения диссертации изложены в докладах, прочитанных на следующих конференциях и симпозиумах: на VI, VII, IX Международных симпозиумах «Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками» (Ижевск, 1996; Сыктывкар, 1998; Ижевск, 2002 соответственно), на XIV Международной финно-угорской студенческой конференции IFUSCO (Турку, Финляндия, 1997), на 4-й Российской университетско-академической научно-практической конференции (Ижевск, 1999), на

III международной научно-практической конференции «Исторический опыт российских регионов: округ и Урал на рубеже тысячелетий» (Кудымкар, 2000), на II Всероссийской научной конференции финно-угроведов «Финно-угристика на пороге III тысячелетия» (Саранск, 2000), на Международном симпозиуме по дейктическим системам и квантификации в языках Европы и Северной и Центральной Азии (Ижевск, 2001), на научно-практической конференции ИУУ УР «Традиции и инновации в образовании» (Ижевск, 2001), на региональной научно-теоретической конференции «Г. Е. Верещагин и этнокультурное развитие народов Урало-Поволжья» (Ижевск, 2001). Материалы исследования отражены в 8 научных публикациях.

Структура и объем. Диссертация состоит из введения, четырех глав и заключения. В конце работы предлагается список сокращений использованных источников и библиографический список.

Содержание работы. Во Введении обосновывается актуальность выбранной темы, формулируются цель и задачи исследования, указываются его методы и источниковая база, определяются научная новизна и практическая значимость полученных результатов, сообщается об апробации положений диссертации; освещается история изучения имени прилагательного в удмуртском языке.

ГЛАВА 1. Степени сравнения имени прилагательного. Данная глава посвящена анализу способов образования степеней сравнения, а также определению выражаемых ими значений.

1. Положительная степень. В удмуртском языке выделяется 3 степени сравнения: положительная, сравнительная и превосходная. Положительная степень является исходной формой сравнительной и превосходной степеней. Имя прилагательное в положительной степени особых форм и признаков не имеет: *Кыдӥкын ик ӧвӧл зӧк кыз сылэ* (Г. 49). 'Совсем неподалеку растет толстая ель'.

Таким образом, прилагательные в положительной степени называют качество или признак предмета (лица) без сравнения с аналогичными качествами других предметов (лиц).

2. Сравнительная степень обозначает качество (признак), находящееся (а) в одном предмете (лице) в большей степени, чем в другом, или же (б) в одном и том же предмете (лице) – но в разные периоды его существования: а) *Тон ведь мылзӥстым одӥг арес бадӥзмгес* (Г. 33). 'Ты ведь на один год старше меня'; б) *Музьемез сишсы люкомы, музьемед*

алилэсь бодзымгес луоз (ЗВ. 197). ‘Землю по едокам разделим, земля [твоя], по сравнению с нынешним, больше будет’.

Причем это сравнение может быть эксплицитным (наличие объектов сравнения) либо имплицитным, когда наличие второго компонента сравнения лишь подразумевается.

При первом случае название предмета (лица), с признаком которого сравнивается признак другого, выраженный формой компаратива имени прилагательного, стоит (1) в форме аблатива (*Райкомлэн секретарез туж егит на-ай, Нина Кузьминичналэсь но, оло, пиналгес* (Иуп. 60). ‘Секретарь райкома еще очень молодая, наверно, даже, помоложе Нины Кузьминичны’) или (2) в начальной (основной) форме в сочетании с послелогом *сярысь* ‘чем, по сравнению с...’: *Кор солы адыми сярысь дуногес* (Шп. 11). ‘Бревно ему дороже, чем человек’.

При имплицитном (подразумеваемом) сравнении предмет сравнения в предложении не назван, но по контексту или ситуации можно догадаться о нем и восстановить в ее классической форме: *Тодыюс, ма, оло, Зечгес луозы, кин тодэ ай...* (ЗВ. 209) ‘Белые, может, лучше еще будут, кто ведь знает...’ В данном случае конструкция *тодыюс зечгес луозы* ‘белые будут лучше’ контекстуально может быть развернута: *тодыюс, гордыс сярысь, зечгес луозы* ‘белые, по сравнению с красными, лучше будут’.

В подобных сравнительных конструкциях (существительное/местоимение в форме аблатива + прилагательное в сравнительной степени или существительное/местоимение в основной форме с *сярысь* + прилагательное в сравнительной степени) идея сравнения находит настолько яркое выражение, что прилагательное может быть без ущерба для смысла употреблено в начальной форме: *Озыен, пянь зарнилэсь но дуно* (Ксч. 168). ‘Таким образом, хлеб и золота дороже (букв. дорогой)’.

В отношении последнего следует отметить, что анализируемые конструкции (без участия суффикса *-гес (-гем)*) хотя и выражают значение сравнительной степени, но тем не менее не являются морфологическим способом образования компаратива, поскольку в подобных случаях компаративное значение передается лишь синтаксически.

Кроме рассмотренной ранее компаративной функции в сочетании с прилагательными, суффикс *-гес (-гем)*, употребляясь с различными частями речи, может выполнять и другие функции. Для того, чтобы удостовериться в способности этого аффикса сочетаться с различными лексико-семантическими категориями слов и выявить частотность подобных форм, был собран материал методом сплошной выборки из 6 художест-

венных произведений удмуртской литературы (см.: источники исследования).

В результате получено 1126 примеров, на основании анализа которых можно прийти к следующим выводам об употреблении *-гес (-гем)* в удмуртском языке:

1) суффикс *-гес (-гем)* сочетается практически со всеми знаменательными частями речи;

2) однако сочетание аффикса *-гес (-гем)* с собственными именами числительными (*кык* 'два', *кыкетй* 'второй' и т. п.) не встречаются в рассматриваемых текстах; к числительным условно отнесены количественные слова типа *трос*, *уно* 'много', *ожыт* 'мало' в атрибутивном и предикативном употреблении;

3) наибольшая частотность употребления *-гес (-гем)* отмечена с наречиями (700 примеров – 62,1% от всех зафиксированных случаев), с глагольными формами (180 случаев – 11,5%), и лишь на третьем месте располагаются имена прилагательные (110 примеров – 9,8%); данное обстоятельство, возможно, обусловлено тем, что в удмуртском языке имена прилагательные вообще имеют меньшую частотность употребления, чем, например, наречия и глагольные формы;

4) из служебных частей речи только послелогои и вспомогательные глаголы зафиксированы в сочетании с *-гес (-гем)*.

Имена прилагательные на *-гес (-гем)*, кроме как в рассмотренной компаративной функции (сравнение качества, признака одного предмета (лица) с аналогичным качеством, признаком другого), могут употребляться в предложении вне всякого сравнения (ни вербально выраженного, ни подразумеваемого):

Нырысьсэ, дышетисьсэс азын ик, ми ваньмы быдэн чарка чырсгес горд вина юмы (Тк. 198). 'Впервые, прямо при учителях, мы все вместе выпили по рюмке кисловатого красного вина'.

В приведенном предложении выделенное прилагательное с суффиксом *-гес (-гем)* отличается от внешне совпадающих с ним компаративных форм:

– во-первых, данные формы употребляются вне контекста сравнения – ни эксплицитного, ни имплицитного;

– во-вторых, они выражают не усиление признака, содержащегося в их основе, а напротив – ослабление качества, неполноту его, сниженную его степень.

В таком контексте (вне сравнения) формант *-гес (-гем)*, выражая неполноту качества, признака предмета (лица), в одних случаях представ-

ляет собой абсолютный синоним к суффиксам *-алэс, -мыт, -пыр(ъем)*, если прилагательные способны сочетаться с последними, в других же случаях является единственной морфемой, служащей для придания имени прилагательному значения неполноты качества (см. ниже).

В этом же значении аффикс *-гес (-гем)* может выступать не только с прилагательными, но и почти со всеми частями речи, выражая при этом неполноту признака действия или признака признака (в составе наречий), недостаточность действия (в сочетании с глагольными формами) и т. д.

3. Превосходная степень. Отсутствие синтетических способов образования удмуртского суперлатива приводит к различным мнениям относительно наличия данной грамматической категории в удмуртском языке. В вопросе, почему мы придерживаемся мнения тех исследователей, которые признают аналитические способы, немаловажным фактором является типология. К примеру, перфект и имперфект глагола, например, в финском (немецком, а также и самом удмуртском) языке также не может выражаться лишь синтетически.

Исходя из вышесказанного, целесообразно признать наличие аналитических форм выражения грамматических категорий, поскольку они проявляются в отношении различных частей речи.

Необходимо констатировать, что морфологический способ образования суперлатива в удмуртском языке отсутствует, но тем не менее имеются его аналитические формы:

Бен соку самой дуноез салам водка вал ук! (ЗВ. 140) ‘Дақ тогда самым дорогим гостинцем была ведь водка!’

Превосходная степень прилагательного выражает только самую большую (но не меньшую) степень качества, признака по сравнению с подобным качеством, признаком других предметов (лиц), или же в одном и том же предмете (лице) – но в разные периоды существования этого предмета (лица).

При этом сравнение может быть явно выраженным (эксплицитным) или подразумеваемым (имплицитным). При явно выраженной идее сравнения название ряда предметов (лиц), с признаком которых сравнивается признак данного предмета (лица), стоит в начальной (основной) форме в сочетании с послелогом *пӧлысь* ‘среди, из...’:

...куинь суэръёс пӧлысь Лариса – самой покчиез... (Ш. 151) ‘...из трех сестер Лариса – самая младшая...’

При подразумеваемом сравнении предметы сравнения в предложении не названы, но они восстанавливаются по контексту или ситуативно:

Бен, бен, Трефиловэн улоназ та учыр, оло, самой бадӱым экзамен вал (Тк. 53). 'Да, да, этот случай в жизни Трефилова, возможно, был самым большим экзаменом'. В этом предложении конструкция *самой бадӱым экзамен вал* 'был самым большим экзаменом' может быть развернута и восстановлена в первичной форме: *ваньмыз пӱлысь самой бадӱым экзамен вал* 'среди всех был самым большим экзаменом'.

На основании анализа собранного методом сплошной выборки материала (было получено 72 примера) можно отметить следующее:

1) продуктивным способом образования суперлатива является аналитическая конструкция с применением слова *самой* 'самый' (91,7% от всех случаев): *Дуннеысь самой визьмо адыми, ужаса улӱсьёслы дурбасьтысь Ленин...* (Ш. 12) 'Самый умный человек земли, заступник трудящихся Ленин...'; хотя абсолютное количество этих примеров довольно мало (всего 66), учитывая, что в качестве источника фактического материала, в общей сложности, было использовано 1200 стр. печатного текста;

2) другим средством выражения суперлативного значения являются конструкции типа: препозитивное местоимение *ваньмыз* 'все' (*коть-ма(р)* 'хоть-что', *котькин* 'хоть-кто, любой', *котькудӱз* 'хоть который, любой') в аблативе в сочетании с прилагательным в положительной степени: *Котькинлӱз кышкыт ачиз Пугачев* (Г. 183). 'Страшнее всех сам Пугачев'. *Солы котьмалӱз дуно вал артӱ сылӱсь яратонӱз...* (Шп. 33) 'Ей дороже всего был стоящий рядом любимый...'. *...куӱо така, оло эшӱсьӱзлӱз сӱзӱгес луэменыз, оло ваньмызлӱз ничи лудыса визь пырымтӱэн, шонерак куарьӱс пӱлы пыриз* (Г. 60). '...пестрый барашек, или будучи шустрее, чем другие, или будучи меньше всех и из-за этого ненабравшимся ума, прямым забежал в листву'.

Следует отметить, что анализируемые конструкции (местоимение в аблативе + прилагательное в положительной степени) хотя и выражают значение превосходной степени, но тем не менее не являются морфологическим способом образования суперлатива, поскольку в подобных случаях присутствует сочетание двух знаменательных слов, а не знаменательного со служебным.

ГЛАВА 2. Степени качества имени прилагательного. Во второй главе анализируются способы образования степеней качества, а также выражаемые ими значения.

Вопрос о наличии степеней качества прилагательного в удмуртском языке до определенного времени отдельно не рассматривался исследователями; но после того, как языковеды стали отрицать принадлежность

конструкций типа: *туж бадзым* ‘очень большой’, *сьод-сьод* ‘черный-пречерный’ и т. д. к формам суперлатива, постановка данного вопроса назрела сама собой.

1. Позитив, как и у степеней сравнения, выражается начальной формой прилагательного, которая «служит для выражения нормальной степени качества» (Кельмаков 1998): *Гаянэн йыр йылаз лэчыт пурт чилектйз* (Г. 60). ‘Над головой Гаяна блеснул острый нож’.

Позитив выделяется нами по аналогии со степенями сравнения; существенным моментом при этом является тот фактор, что другие степени качества (модератив и интенсификация) выявляются только лишь в сопоставлении с позитивом.

2. Модератив. Маркированные суффиксами *-алэс* (*-ялэс*), *-мыт*, *-пыр(ьем)* лексемы являются формой слова, выражающими при этом неполноту, смягчение или уменьшение качества в предмете (лице): *Чуренак кошко тузонэн суэн шобыртэм пурысялэс одйг этажсьем коркаос* (Иуп. 119). ‘Рядами проносятся покрытые пылью и сажей сероватые одноэтажные дома’.

Помимо этого, имеется также еще один аффикс недостаточности признака *-гес* (*-гем*), который наряду со своей основной компаративной функцией может выполнять и модеративную: *Отчы но вуиско, дорын но маке со ужасько на – милям пичигес хозяйствомы вань на ук..* (Мт. 15) ‘И там успеваю, и дома кое-что делаю еще – у нас ведь небольшое (досл.: маловатое) хозяйство есть...’

Анализ собранного методом сплошной выборки фактического материала (в результате чего было получено 76 примеров) позволяет сделать следующие выводы:

1) модеративные суффиксы *-алэс* (*-ялэс*), *-мыт*, кроме как с ранее приводившимися в работах исследователей лексико-семантическими разрядами прилагательных, могут употребляться также с прилагательными, обозначающими физическое состояние предмета (лица);

2) самую широкую возможность применения (с прилагательными, отражающими пространственные отношения, физическое состояние и др. лексико-семантических групп) а также и самую большую частотность (более половины от всех случаев) имеет аффикс *-гес* (*-гем*).

Итак, каждый из вышеприведенных аффиксов при выполнении своей модеративной функции может употребляться только с определенными лексико-семантическими группами прилагательных.

Прилагательные цветообозначения, при выражении слабо проявляемого оттенка основного цвета, окраски предмета, сочетаются со следующими суффиксами:

-алэс (-ялэс): *Югыт азын Катя ассэ Богатыревез но адъиз. Со вожалэс гимнастеркаен, лыз галифеен...* (Вп. 29) 'При свете Катя рассмотрела и самого Богатырева. Он был в зеленоватой гимнастерке, в синих галифе...';

-мыт: *Лызмыт бусэн кыстйськем степьестй поезд лобыса кадъ кошке* (Жс. 70). 'По степям, покрытым синеватым туманом мчится поезд, словно летит';

-пыр(ъем): *Пересьлэн пичиесь гинэ куреньпыр синъёсыз малы ке шумпотыса кадъ учко* (Жа. 7). 'Маленькие с коричневатым оттенком глаза старика смотрят как будто чему-то радуясь';

-гес (-зем): *Оскалтэ киярме, помидор вожгес на* (Гт. 120). 'Попробуйте огурец, помидор немного зеленоват еще'.

Имена прилагательные при выражении тонких оттенков вкусовых свойств, их недостаточности требуют использования таких аффиксов, как:

-алэс (-ялэс): *Огзэ шуэз ымаз понйз. Ческыт, чырсалэс* (Гт. 6). 'Одну ягоду калины [он] положил в рот. Вкусная, кисловатая';

-мыт: *Но Опаринэн верасъкемзэ тодаз вайыса, солэн чырмыт пальтонэз отын ик кысыз...* (Тк. 218) 'Но вспомнив разговор с Опариным, его кисловатая улыбка тут же погасла...';

-гес (-зем): *Нырысьсэ, дышетйсьёс азын ик, ми ваньмы быдэн чарка чырsges горд вина юимы* (Тк. 198). 'Впервые, прямо при учителях, мы все вместе выпили по рюмке кисловатого красного вина'.

При образовании прилагательных, обозначающих меры длины и ширины, с объектно-пространственной ограниченностью признаков могут присоединяться только 2 суффикса:

-гес (-зем): *Табере со ачиз пичигес гурезь йылэ интыяськыз* (Гт. 57). 'Теперь он сам устроился на вершине небольшой (букв. маловатой) горы';

-алэс (-ялэс): *субегалэс* 'узковатый'.

С прилагательными, выражающими признаки внешней и внутренней характеристики предмета, его физическое состояние, при недостаточности данных признаков (присутствия их лишь в определенной степени) употребляются следующие аффиксы:

-алэс (-ялэс): *Нина Кузьминичналэн ымныр тусыз йёожалэс* (Иуп. 146). 'Выражение лица Нины Кузьминичны грустноватое';

-мыт: *Яратызы соос раненой солдатлэсь йёзонмыт кырзанэ нёръяны...* (Шп. 92) 'Любили они напевать грустноватую песню раненого солдата...';

-гес (-гем): *...тон мар, сукур-а, мар-а, яке музигес!..* (Ш. 153) '...ты что, слепой что-ли, или глуповат!..'

Аффикс *-гес (-гем)* в сочетании с прилагательными, кроме тех, которые выражают цветовые, вкусовые, пространственные признаки и признаки физической характеристики предмета, т. е. со всеми остальными лексико-семантическими разрядами прилагательных, является единственной морфемой, выполняющей функцию неполноты качества, признака предмета; например, с прилагательными, обозначающими состояние явлений природы: *...одйгес сюрес – вольыт, чебер, но котырскыса мыноно, мукетыз – тырак гинэ потоно, но улыг, нюргес интыым* (Ш. 158). '...одна дорога – ровная, хорошая, но нужно ехать в окружающую, другая – можно проехать напрямик, но в низменном, немного болотистом месте'.

3. Интенсив (высшая степень качества) выражает безотносительно высокую меру качества, признака в предмете. При этом, не может быть речи о сравнении. По результатам анализа фактического материала, собранного методом сплошной выборки (было получено всего 247 примеров), можно заключить следующее:

1) существует синтетический (редупликация основы прилагательного) и аналитический способы образования интенсива; последний имеет две основных разновидности: прилагательное в аблативе + (*но*) + позитивная/компаративная степень самого прилагательного, также сочетание прилагательного с препозитивным усилительным словом;

2) другой способ (сочетание прилагательного с препозитивным наречием) имеет в свою очередь вариации, среди которых образованный с помощью *туж* 'очень' имеет самую большую частотность из всех способов (почти половина от всех примеров); два других – с помощью наречий *ортчыт* 'чрезмерно' и *лекос* 'очень' – встречаются редко (по 3 примера – 1,2% каждый), что, возможно, обусловлено диалектным характером данных препозитивов.

Морфологическим способом образования интенсива является повтор основной формы прилагательного: *Гурт пала учкыз но, ин вылэ сьдд-сьдд Чын йжутскемын* (Г. 37). '[Он] посмотрел в сторону деревни и увидел: к небу поднимается черный-пречерный дым'.

Остальные способы образования интенсива носят аналитический характер. Первый из них имеет несколько вариаций: *Алексей Киваров туж*

лякыт по стюзмо адыми луэменыз кельше мыным (Ш. 204). ‘Алексей Киваров нравится мне тем, что он очень вежливый и сердечный человек’; *Война – со ортчыт секыт маке* (Шп. 153). ‘Война – это нечто очень тяжелое’; и др.

Другой аналитический способ образования интенсива можно представить в виде своеобразной формулы: прилагательное в аблативе + (*но*) ‘и; даже’ + само позитивное/маркированное аффиксом *-гес* (*-гем*) прилагательное: *Толзэ пала ортчыса, октябрьской бере дунолэсь дуно ивор вуиз* (Тк. 198). ‘По истечении месяца, после октябрьского [праздника], пришла очень ценная (букв.: ценнее ценного) весть’. *Пёлазы – ...коня ке романъеслэн авторзы, тодмолэсь но тодмогес прозаик Рудольф Берегодонщиков...* (Ш. 199). ‘Среди них – ...автор нескольких романов, очень известный (букв.: известнее известного) прозаик Рудольф Берегодонщиков...’

ГЛАВА 3. Словосложение имен прилагательных. Различаются два основных типа композит по характеру синтаксического отношения между их компонентами: сочинительные и подчинительные.

Сложным словом сочинительного типа выступает комбинация равноправных компонентов: *Но малы ке сюрэ-бызэсо шайтанлэн куэз шобьртэмын вал мугорам* (Ш. 68). ‘Но почему-то мое тело было покрыто рогато-хвостатой кожей шайтана’.

В композитах подчинительного типа между сегментами наблюдается отношение зависимости, т. е. различаются синтаксически главные и зависимые элементы: *Дэра куыкуз, Петырлы ньыльвыртно бинялтон куисько кожа вал* (Шп. 31). ‘Когда [она] ткала холст, то думала, что ткёт Петыру портянку в четыре ниточки’.

Для выделения композит и отграничения их от словосочетаний и производных слов выдвигаются определенные критерии, но для разных языков определяется различное количество критериев. Выделяются следующие дифференциальные признаки прилагательных-композит:

1) «цельнонаправленность» сложного слова; иными словами, элементы композит обозначают одно целостное лексическое значение, т. е. каждый компонент не характеризует один и тот же предмет по отдельности, а только лишь в совокупности;

2) «взаимообусловленность» и «взаимопроникновение» сегментов сложных прилагательных, в силу чего невозможно опустить какой-либо компонент без потери смысла и цельности слова;

3) «синтаксическая цельность», выражающаяся в том, что компоненты сложного слова не могут вступать в самостоятельную синтаксическую связь с другими словами и в предложении выступают как один член;

4) фонетическая организация сложного слова: наличие только одного главного самостоятельного силового ударения;

5) мотивированность сложного слова соответствующим словосочетанием. Как известно, производное, образованное аффиксальным способом, имеет одну мотивирующую основу, а композита соотносится материально и семантически с двумя (или более) самостоятельными словами.

Следует отметить, что в удмуртском языке имеются сложные прилагательные подчинительного типа, поскольку им присущи вышеприведенные дифференциальные признаки сложных слов: *Йырыз сю пудъем корт эгесъёсын дурем выллем секыт* (Г. 142). 'Голова [его] тяжела, словно закована стопудовыми железными обручами'. *Гаян кузь йырсиё адямиез тодмаз* (Г. 195). 'Гаян узнал длинноволосого человека'.

1. **Сложные прилагательные на -о (-ё)** по характеру связи составляющих компонентов подразделяются на сочинительные и подчинительные. Композиты подчинительного типа послужили объектом нашего анализа в силу их неисследованности. Образуются они суффиксально-сложным способом: путем лексикализации словосочетания при одновременной его суффиксации формантом -о (-ё): *...Музьем вылысь пёртэм катаклизмаос пыр потыса, кузь мыйыко но сыңе йдно таракан мынам улон юртам тёр-р гинэ бызьылэ!* (Ш. 160) '...прошедши через различные катаклизмы Земли, длиннорылый и такой важный таракан шустро бежит по моему жилищу!'

Итак, композита *кузь мыйыко* образована от соответствующего словосочетания *кузь мыйык* посредством его лексикализации и одновременной суффиксации аффиксом -о (-ё); при этом такие сложные слова обозначают обладание тем качеством, что выражает словосочетание: *кузь мыйык* 'длинные усы' – *кузь мыйыко таракан* 'таракан, обладающий длинными усами'.

В исследуемом типе лексикализации исходными словами в основном являются атрибутивные словосочетания, конечным компонентом которых выступает существительное. Начальным же элементом могут быть различные части речи.

В результате сбора фактического материала методом сплошной выборки было получено 364 примера, на основании анализа которых можно отметить следующее:

1) препозитивным элементом исследуемых композит на *-о* (*-ё*) может выступать прилагательное, числительное, местоимение и существительное;

2) наиболее часто встречающимся способом формирования сложных прилагательных является способ с участием инициального прилагательного (более половины всех случаев); другие способы обладают почти одинаковой степенью продуктивности.

В тех случаях, когда начальным элементом производящей основы выступает прилагательное, композиты могут выражать внешние или физические качества людей и животных, а также свойства, признаки, воспринимаемые органами чувств: *Аслэсьтыз бадӟым йыро луэмзэ со зеч тодэ* (Сз. 25). 'Он хорошо знает, что у него большая голова (букв.: он является большеголовым)'

В следующем типе образования прилагательных-композит в качестве первого компонента (характеризующего второй компонент с количественной стороны) выступает имя числительное: *Ныль ныдо жёк мар-о вите?* (Ксч. 185) 'Что ждет четырехногий стол?'

Иногда первым сегментом подобных сложных прилагательных является причастие, местоимение, а также существительное:

Пурысьтам йырсиё врач туйнаськиз ёсэ (Шп. 131). 'В дверь протиснулся седоволосый (букв. с поседевшими волосами) врач'. *Маке бадӟым уж луыку, со котьку таӝе тусо луэ* (Г. 147). 'При том, когда затевается важное дело, он всегда бывает такого вида'. *Кызыы, вылды, улысал воку Нина югыт дуннеын... зарни киё, пумтэм яратӝсь но сыӝе ик пумтэм яратоно Иванэзтэк?* (Тк. 20) 'Как же тогда жила бы Нина на белом свете... без своего бесконечно любящего и также бесконечно любимого с золотыми руками (досл.: золоторукого) Ивана'.

2. Сложные прилагательные на *-ем* подчинительного типа образуются суффиксально-сложным путем. В исследуемых композитах опорным компонентом выступает прилагательное, образованное от имени существительного с помощью морфемы *-ем*: *Куинь аресӝем нылзы вань* (Тк. 20). '[У них] есть трехлетняя дочь'.

В качестве препозитивного компонента могут выступать различные части речи. Анализ фактического материала позволяет заключить, что в сложных прилагательных на *-ем* в качестве инициального элемента, помимо количественного числительного, может выступать также имя существительное, прилагательное и порядковое числительное: *Куинь миллионӝем Горд Армия кылдытон борды, пе, кутсем, шуо* (Шп. 106). 'Говорят, взялся за создание трехмиллионной Красной Армии'. *Тулуп тусь-*

ем бадзым дукусэн дйсяськемын Беков (Ш. 8). 'Беков одет в большой тулупообразный зипун'. *Сьод синкаштем Гаянэдлы, ой, салам но лэзыны* (Г. 29). 'Чернобровому Гаяну твоему, ой, послать гостинцев'. *Ноис лябгес тазалыко тиос... асьсэды кыкетий сортьем адямиен лыдьязы* [Ксч. 98]. 'А слабоватые здоровьем парни... считали себя второсортными людьми'.

3. Орфография сложных прилагательных представляет собой определенную проблему. Как известно, сложные прилагательные сочинительного типа, в основном, следует писать через дефис: *Сюстьыл кадь жэутэм улыно-вылыно коркаос сярэсь но уг вераськы ни* (Ш. 133). 'Я уже и не говорю о стройных двухэтажных домах'.

Композиты подчинительного типа рекомендуется писать слитно, поскольку подчинительная связь является наиболее тесным видом связи: *Урдсаз ньыльвыртно дэралэсь вурем сумка ошемын* (Шп. 255). 'Сбоку [у нее] висит сумка, сшитая из сотканного в четыре ниточки холста'.

До сего момента такие выражения исследователями квалифицировались лишь как словосочетания, вследствие чего подобные композиты всегда фигурировали только в раздельном написании (см. также ранее приведенные примеры): *Лад-лад вераськыны кутскиз жэужыт, но чиед мугорьем сьод мыйыко рабочий Буков* (Шп. 71). 'Основательно, не сходя начал разговор высококи и художавый, черноусый рабочий Буков'.

Нами предлагается отказаться от этого принципа, поскольку слитное написание сложных прилагательных типа *чиедмугорьем, сьодмыйыко* более точно отражало бы существующую подчинительную связь между их компонентами.

ГЛАВА 4. Согласование имени прилагательного с определяемым словом. В данной главе нами делается попытка выявить и рассмотреть по возможности все случаи конгруэнции и инконгруэнции прилагательного в адъективной и предикативной функции.

1. Факультативное согласование. Прилагательное может согласоваться с определяемым словом во множественном числе как в предикативной, так и в адъективной функции; при этом оно маркировано аффиксом *-эсь (-есь)*: *Васьлей агай тыныд пумит огназ ке вал, табере дэмен кутскимы – бадзымесь киосэ вёл-вёл карыса вера Максим Микол* (Шп. 67). 'Дядя Васyleй если против тебя один выступал, теперь [мы] сообщаем начинаем – говорит Максим Микол, широко расправив большие руки'. *Дангырлэн йырыз бадзым. Зэм. Пыдъэсыз – кырызэсь. Тауз но зэм* (Сз.

98). ‘У Дангыра голова большая. Действительно. Ноги кривые. И это правда’.

На основании анализа фактического материала (1487 примеров) можно прийти к следующим выводам:

1) подавляющее количество примеров (1252 случая – 85,3%) относится к случаям инконгруэнции определения с определяемым;

2) имени прилагательному в функции сказуемого в удмуртском языке присущи порой случаи инконгруэнции с подлежащим в числе (хотя в большинстве учебников и грамматик удмуртского языка указывается факультативность присоединения суффикса *-эсь (-есь)* к прилагательным в адъективной функции и обязательная маркированность им в предикативной функции). Обычно предикативное прилагательное не согласуется с подлежащим в числе, когда существительное относится к частям человеческого тела: *Чебересь синьёсыз лек луизы* (Г. 52). ‘[Его] красивые глаза стали злыми (букв. злой)’.

На основе анализа примеров становится явным, что прослеживается и другая тенденция. Ее сущность заключается в следующем: предикативное прилагательное выступает без суффикса множественного числа *-эсь (-есь)* в том случае, если оно является производным, образованным посредством аффикса *-тэм*: *Чебер ёждоккышетъёсын шобыртэм бадъёмесь ёждоккёс вылын сиён-юонъёс пумтэм* (Шп. 64). ‘На покрытых красивыми скатертями столах еды бесконечное количество’.

Помимо вышерассмотренной функции суффикса *-эсь (-есь)* (показатель множественного числа имен прилагательных), отмечается также и другое, дейктическое, значение этого аффикса, которое служит для актуализации компонентов речи: *Чебершурын но, музонъёсаз но гуртъёсын чебересь, тазаесь егит пиос вань уж* (Сз. 102). ‘И в Чебершуре, и в других деревнях есть же красивые, полные здоровья молодые юноши’.

В данном предложении наглядно можно проследить, что акцентируется внимание именно на наличии красивых и здоровых юношей, и лишь только потом, как бы на втором плане остается то, что они молодые, т. к. слово *егит* ‘молодой’ не маркировано аффиксом *-эсь (-есь)*.

2. Обязательное согласование заключается в том, что прилагательное, снабженное суффиксом *-эз (-ез)/-ыз*, согласуется с определяемым словом и в числе, и в падеже: *Узыръёсыз удмуртъёс, тдроос, колонизаторъёсын но потъёсын шьяськыло, соослы дворникын ужало, извозэн ветлыло, зуч кыллы дышетско* (ЗВ. 139). ‘Богатые удмурты, старосты, завязывают дружбу с колонизаторами и попами, нанимаются к ним в дворники, занимаются извозом, обучаются русскому языку’.

Данный суффикс выполняет также и дейктическую функцию (указание, выделение, дифференциация посредством соотнесения с лицами и предметами): *Черк йылэ тубонлэсь пыкиськись гырлыез усем штыяз ик кельтйзы. Черк йылэ пичиоссэ гырлыосты жутьязы* (Сз. 39). 'Колокол, который «противился подниматься» на макушку церкви, оставили на том же месте, куда он упал. На церковь поднимали маленькие (именно те, которые маленькие) колокола'. В данном примере подчеркивается то, что поднимали только маленькие колокола, отделяя тем самым их от больших (здесь, в частности – большого) колоколов.

Анализ фактического материала (102 примера) позволяет заключить, что в большинстве случаев прилагательное на *-эз (-ез)/-ыз* выступает в предложении без какого-либо определяемого слова, иными словами это определяемое фактически отсутствует, но тем не менее восстанавливается по контексту или лишь предполагается (таких случаев зафиксировано 66 – 64,7%). Таким образом, в подобных примерах присутствует эллипсис – пропуск в речи или тексте подразумеваемой языковой единицы.

Отсутствующее определяемое слово иной раз легко восстанавлимо из контекста: *Тумошо, дыр, но син шорам пичи арбери, бадзымес сярись, нырысьгес йётэ* (Ш. 70). 'Забавно, наверно, но маленькая вещь, по сравнению с большой, бросается мне в глаза раньше'. Прилагательное *бадзымес* выступает без определяемого слова, но тем не менее это определяемое слово как бы само напрашивается и при этом присутствует в предложении, но в сочетании с другим прилагательным: *пичи арбери* 'маленькая вещь' – *бадзымес* [*арбери*] 'большая вещь'.

В других случаях определяемое слово прилагательного вообще отсутствует в контексте но легко восстанавливается в конкретной речевой ситуации: – *Дугды ай, мон тыныд улмопуысь ишкалто. Мукетсэ. Ческытсэ* (Ш. 157). '– Погоди-ко, я тебе с яблони сорву. Другое. Вкусное' – напрашивается *улмоэз* 'яблоко'.

Прилагательное, оформленное выделительно-указательным аффиксом, выступая без определяемого слова, в некоторых случаях может субстантивироваться, при этом прилагательное теряет свои признаки и приобретает признаки существительного:

Солэсь ортыт, татйяз курытэныз эшласькыны шотам (Тк. 20). 'Помимо этого, теперь пристрастился к спиртному (букв. горькому)'.

В Заключении обобщаются результаты исследования.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. О функциях суффиксов сравнительной степени *-ges* ~ *-gem* в удмуртском языке // *ЛУ*. 1997. № 2 (XXXIII). С. 119–127 (соавтор В. К. Кельмаков).

2. О способах выражения превосходной степени в современном удмуртском языке // *Пермистика 7: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: Сб. статей / Коми НЦ УрО РАН. Сыктывкар. 1999. С. 72–79.*

3. *Ominaisuuden vajanaisuuden ilmaisukeinoja udmurtin kielessä // IFUSCO: Тез. докл. / Сыктывкарса канму ун-т. Сыктывкар, 1999. С. 64–65.*

4. Категория степеней качества прилагательного в удмуртском языке // Тез. докл. 4-й Российской университетско-академической науч.-практ. конф. Ч. 3. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1999. С. 167–168.

5. К истории изучения имени прилагательного в удмуртском языке // *Коми-Пермяцкий округ и Урал: История и современность: Тез. докл. и выступл. на III междунар. науч.-практ. конф.: «Исторический опыт российских регионов: округ и Урал на рубеже тысячелетий» // Кудымкар. гос. ин-т; КП отдел общ. наук ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. Кудымкар, 2000. С. 56–57.*

6. О способах выражения неполноты качества в удмуртском языке // *Материалы II Всероссийской науч. конф. финно-угроведов «Финно-угристика на пороге III тысячелетия». Саранск: Красн. Окт., 2000. С. 92–96.*

7. *To the problem of Udmurt Adjective Congruence with the Defined Word in Number // Междунар. симп. по действительным системам и квантификации в языках Европы и Северной и центральной Азии: Тез. / Удм. гос. ун-т. Ижевск, 2001. С. 29–30.*

8. История изучения имени прилагательного в удмуртском языке // *ЛУ*. 2001. № 2 (XXXVII). С. 122–129.

Отпечатано с оригинал-макета заказчика.

Подписано в печать 04.11.2002.

Тираж 100 экз. Заказ № 2302.

Типография Удмуртского государственного университета.
426034. г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 4.